

УДК 94(430).03

Г.Г. Пиков

**О СООТНОШЕНИИ «ВОЗРОЖДЕНИЯ», «РЕФОРМАЦИИ»
И «ПРОСВЕЩЕНИЯ» В ИСТОРИИ ЕВРОПЫ**

Анализируются различия в смыслообразующем содержании терминов «Возрождение», «Реформация» и «Просвещение» для европейской цивилизации Нового времени. Рассматривается связь этих понятий с трансформацией социокультурной и теософской моделей, формировавших сознание европейца XVI–XVIII вв.

Ключевые слова: история идей, история Просвещения, смена парадигм в новоевропейском обществе.

Каждое из этих понятий имеет свою длительную историю, и «современное» звучание они получили в эпоху Просвещения, которая заложила мощный фундамент для терминологии нововременного общества. Но общее у этих понятий и то, что они, как и обозначаемые ими эпохи, на самом деле тесно связаны друг с другом. В определенном смысле они «враждебны» друг другу, и не случайно. «Противостояние» обусловлено тем, что эти три феномена вместе составляют особую эпоху, но находятся на разных полюсах ее.

Границами этой переходной эпохи и являются тандем Возрождение / Реформация (нижняя граница) и Просвещение (верхняя граница). «Открывающий» и «закрывающий» этапы антагонистичны по своим методам и целям. «Возрождение» и «Реформация» в данном случае выступают, прежде всего, как культуры «снятия» прежней модели «культуры», тогда как новая культурная парадигма будет окончательно оформлена в рамках «Просвещения».

В условиях всестороннего кризиса, обусловленного переходом западной цивилизации на новую стадию развития, перед обществом стояла задача: не отказываясь от базовых идей, устранить ту общественно-культурную модель, которая не соответствовала новым реалиям. Как правило, это осуществляется посредством так называемого возрождения [1. С. 59–77; 2. С. 120–143; 3. С. 36–59].

Европа была слабой окраиной евразийского мира, добываясь изменения природно-географических условий техническими средствами. Одновременно развивается одна из основных идей Пятикнижия Моисеева о самодостаточности и совершенстве созданной цивилизации («дабы хорошо было нам во все дни, дабы сохранить нашу жизнь, как теперь» – Втор 6:24). Все европейское начинает противопоставляться не только азиатскому, но и всему миру, не только в религиозном отношении, но и в общекультурном плане. С подачи Нового завета активно используется миссионерская идея, которая постепенно перерастает в культуртрегерскую и идейно-экспансионистскую («свет с Запада»). Так или иначе это синтезируется в понятие *nuovo mundo* («нового света»), что особенно заметно на американском материале, когда новый материк становится одновременно и зоной распространения латинско-христианской культуры, и местом строительства общества, лишённого прежних «недостатков».

Само понятие десакрализации отнюдь не означает исчезновение в культуре идеи Бога, а предполагает очередную аксиологическую революцию. За

Богом-отцом окончательно останется лишь функция креационизма [4]. Роль Человека все более усиливается, и именно он постепенно объявляется носителем истины. Церковь опустится до каждого человека, но потеряет свое прежнее влияние на политическую жизнь и развитие науки.

Возрождение и Реформация выполнили ряд стоящих перед обществом задач. Они не только скомпрометировали предшествующую социокультурную модель, выступив в роли своего рода «культур-убийц», но и сохранили необходимое для ее «обновления» и дальнейшего развития латинское понимание культуры и ее базовых сакральных и секулярных идей. Они выступили в роли своего рода «дворников», которые, убирая накопившийся культурный «мусор», иначе говоря, стремясь привести в порядок уже излишне «разбухшую», хаотично развивавшуюся и в итоге малоуправляемую культуру, обнаружили «гниль» в самом фундаменте этой культуры. Запад к XVII в. (после Реформации и Возрождения) пошел по пути либерализма: на первом плане идеи свободы и толерантности, происходит переход с эволюционного пути на инновационный (культивирование таких интенсивных факторов, как наука и техника), формирование гражданского общества, безусловно, господствует частная собственность, труд считается главной ценностью, а не простой бытовой нормой.

Просвещение фактически построит иное здание культуры за счет нового синтеза этики, литературы, политики, даст в итоге новое понимание старым терминам (наука, творение, провидение, политика, этика, государство и др.) и в результате окончательно создаст новую парадигму, которой суждено достаточно непротиворечиво работать в рамках так называемой новой истории. Это особая эпоха в истории Европы. «Новая» история как «обновленная», т. е. сумевшая произвести ревизию всего своего предшествующего цивилизационного наследия, невероятно эффективно его использовавшая, неизбежно могла существовать только до тех кардинальных мировоззренческих, геополитических и этно-культурных изменений, которые произошли в предшествующем столетии. В XX в. развитие бывшего «христианского» мира пошло по сценарию, аналогов которому никогда еще не существовало ни в одной цивилизации. В соответствии с этой парадигмой и будет осуществляться социально-политическое и этико-культурное переустройство Европы. Аналогом этой эпохе является период «раннего христианства» (первая половина I тыс. н. э.). Религиозно-философские синтезы поздней античности (гностицизм, неоплатонизм, неопифагореизм и др.) и христианство выступили в роли тогдашних «возрождения» и «реформации», а готские «ренессансы» и патристика сыграли роль итогового «просвещения». По срокам эти периоды тоже примерно одинаковы: I–VI и XIV–XVIII вв. В период «раннего христианства» формировалась «средневековая», «христианская» парадигма. Эпоху становления («вывихнутый век») всегда трудно анализировать, ведь «космос» рождается в «хаосе», нет единого и единственного критерия, и результат становится очевидным лишь к концу периода. Этот переходный период подобен младенчеству, первым 3–5 годам. Не случайно для Христа идеалом был ребенок. Как ребенок формируется «в семье», в присутствии нескольких взрослых с подчас разными педагогическими и ценностными

ориентирами, так и формирование новой парадигмы как организация культурного пространства идет на базе территории высокого уровня развития культуры, социума (*внутри системы!*) и одновременно ее кризиса («язычество» в Западной Римской империи) и усиления конвергенции культур в форме «варваризации» и распространения восточных культов, т. е. культурного наступления с севера и востока. Потом начинается обратное движение на север и восток в форме «христианизации». Так и «модернизация» в форме гуманизма начинается там же, в Италии, но как форма освобождения культуры от влияния северных «варваров», а потом уходит «за горы» (Альпы), где в классической, итальянской форме распространения не получает. И Просвещение там, с точки зрения зачинателей культурной революции, является «уродливым». «Маятник» в эту эпоху совершил свой второй цикл.

Просвещение, по сути, составило новую производственную программу для цивилизации. Оно оставило базовые идеи Прогресса, Бога, Космоса, Человека, Бытия, Любви, Эволюции, Причинно-следственного Порядка, Начала, Цели, Последовательности, Логики, Морали, Мира и др., но пересмотрело четыре основных идеи (Теизм, Теоцентризм, Креационизм, Провиденциализм) и осуществило ревизию традиционных дихотомий (Бог и Человек, Бог и Мир, Человек и Мир). Если в период Средних веков на первом месте были две первые дихотомии (Бог и Человек, Бог и Мир) и прогресс был обусловлен и зависел от «помощи» Бога, то теперь окончательно наверх выходит Человек – Мир. В Новое время дедукция осуществляется уже на основе идеи не Бога, а Человека. Первые две дихотомии объявляются вымышленными. Происхождение мира связывается не с Богом, а с законами развития Материи, провиденциализм опускается с космического уровня до уровня отдельного человека, и прогресс обусловлен действиями только человека. Просвещение, отказавшись по сути от Начала всех Начал за пределами Мира (Бог), ищет его *внутри* мира. Этот уникальный и невиданный эксперимент продолжается донныне. Отрицая диффузию (Божью волю) как причину возникновения мира, культура априори и бездоказательно (если не считать античной полемики) первоначально назначает в физическом мире *атом*, а в социальном – *индивида*. Соответственно, иначе начинают прочитываться библейские тексты. Уходит «Библия в тонзуре», описывающая историю как результат «воли Бога», она начинает рассматриваться как источник «общечеловеческих ценностей», «первая в истории человечества конституция».

Человечество окончательно выходит из сферы действия циклов физического мира и открывается новый ракурс видения мира. Отсюда в культурной парадигме новые акценты на *эксперименте* (действия *вне* природных циклов), господстве над природой, Человеке-Творце, научно-техническом прогрессе. Новое познание – уже не познание природных циклов и подстраивание под них, а осмысление природы как партнера, а потом и врага (переход от космофилии к космофагии). Это познание объясняется и обрамляется рамками «прогресса» и «службы человечеству».

Наука постепенно пытается присвоить себе функции религии, точнее, они на нее перенесены. По сути, уже в Новое время она становится религией настоящего, как религия была наукой своего времени. Сакрализация знания

неизбежна в любой культуре как необходимое соединение двух граней культуры, сакральной и секулярной, которые сами по себе воспринимаются как две крайности. Любое же знание должно объединять общество.

Ее достижения, особенно успехи физики, сумели создать и закрепить в сознании людей физический образ мира (по современным представлениям, далеко не безупречный) и идею примата точных и естественных наук в решении гносеологических и даже онтологических проблем. Оба эти положения в настоящее время уже не являются аксиоматичными. К тому же наука столь стремительно отделяется от идеологии, а, значит, уже не только от религии, и в чем-то начинает играть ту же роль «учителя», которую когда-то играла и религия. Она приписывает себе не только научную, но и мировоззренческую непогрешимость. Сначала «разоружает» общество, дезориентирует, ибо разбивает прежний социокультурный синтез, и на этом этапе обязательна борьба науки и религии как энтропийный (разрушительный) этап, время «снятия».

Она дает внешне простые и безупречные ответы, достаточные для разных уровней образования. В этом «утешении» фактически проявляется компенсаторная функция. После создания картины физического мира она обещает решить и социальные проблемы. В этом плане она стремительно эволюционирует: сначала она связана с занятиями отдельных людей (Возрождение), затем превращается в сумму знаний (Просвещение), а в конечном итоге, как и религия в свое время, в социальный феномен (Новейшая история). Как и религия, она обращается, прежде всего, к «малым сим». Певцы и ученые становятся идолами Нового времени.

Как религию в свое время стали обвинять в том, что она «отвернулась» от человека, так и о растущей дегуманизации общества стали говорить по мере становления науки как общественного феномена. Определенные признаки этого действительно вполне заметны, ибо к концу тысячелетия перевес «физиков» перед «лириками» стал, с точки зрения многих деятелей культуры, критическим. Многие гуманитарные науки меняют свое лицо. Философия все больше изучает человека и в этом смысле активно сотрудничает с психологией. Она во многом потеряла свой поисковый характер, пытаясь дать индивиду философско-психологическую компенсацию. Литература все больше служит развлечением, история становится позитивистской, принципиально сосредотачиваясь на частных проблемах, хотя и появляются мыслители, но они опираются в большей степени на научные разработки, а не религиозные или философские (Гумилев, Тойнби, синергетика). Это признаки становления новой историософии.

Литература

1. Пиков Г. Г. «Возрождение» как особенность развития европейской культуры // Теория и история культуры в вузовском образовании. Новосибирск, 2003.
2. Пиков Г.Г. Из истории западноевропейского средневековья. Новосибирск, 2002.
3. Пиков Г.Г. Сакральное и «секулярное» в «христианской» культуре // История и теория культуры в вузовском образовании. Новосибирск, 2004.
4. Ханна Ж. Шумиха в философии. М., 1965. С. 80.